

КОЕ-ЧТО ПОЛУЧИШЬ

Аркадий Застыреу

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

«...В будущем веке, когда, услышав о 70-х годах нынешнего, тинейджеры рассеянно спросят, в котором томе «Истории государства Российского» можно об этом времени прочесть, их седовласые прадеды извлекут из своих сундучков и этажерок вот эту самую книжку журнала, хлопнут слабеющей рукой по моему сочинению и скажут: «Вы многое поимели, ребята, а все же у нас тоже было кое-что!»

- [Аркадий Застырец](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [СОН В РУКУ](#)
 - [ТУЧА СЕРЕДИНЫ СЕМИДЕСЯТЫХ](#)
 - [КАЛУГА](#)
 - [ЕЗДА В КАМЕННОМ КРУГЕ](#)
 - [КАРТОЧНЫЙ ТЕРЕМ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)

Аркадий Застырец

КОЕ-ЧТО ПОЛУЧШЕ

Автоматически приобретенные этим текстом качества роднят его с многочисленными рок-музыкальными проектами. Эти качества традиционны: поразительная беспечность, необычайная самовлюбленность, крайняя претенциозность и помпезность...

И все же, кажется, теплоты и самоиронии в нем достаточно. Кроме того, возможно, в будущем веке, когда, услышав о 70-х годах нынешнего, тинейджеры рассеянно спросят, в котором томе «Истории государства Российского» можно об этом времени прочесть, их седовласые прадеды извлекут из своих сундучков и этажерок вот эту самую книжку журнала, хлопнут слабеющей рукой по моему сочинению и скажут: «Вы многое поимели, ребята, а все же у нас тоже было кое-что!».

Ужасно не хочется быть ответчиком по иску о защите чести и достоинства кого-нибудь из моих знакомцев в случае, если таковой, не дай Бог, узнает себя в ком-нибудь из героев предлагаемого сочинения. Поэтому, во-первых, заранее приношу свои извинения всем, кого оно вдруг обидит, и, во-вторых, предупредяю: все написанное мною — поэтическая вольность, а совпадение обстоятельств, личных достоинств, прозвищ и имен — чистейшая случайность.

Первое, не ощущение, а только предчувствие стихии рок-н-ролла постигло меня в купе скорого поезда «Урал». Поезд мчался на запад в Москву, на празднование 50-летия образования СССР. Было это в самом начале зимних каникул. Для тех, кто забыл или не знает, — СССР образовался 30 декабря. А тогда, в поезде мне было тринадцать лет, и школьная администрация наградила меня вместе с босоногой стайкой других пионеров в комсомольцев этой счастливой экспедицией в столицу.

Так вот, предчувствие названной стихии у меня появилось в тот момент, когда вечером, глянув по диагонали с верхней полки, я увидел — клянусь, наяву, а не во сне! — как сопровождавший нас учитель физики, пожилой и неумолимый, пахнущий сигаретами и одеколоном «Гвардейский», свирепый, как снежный барс, тот самый учитель, от одного вида которого тряслись поджилки у всех учеников с первого до десятого класса, преспокойненько снял брюки и предстал моему изумленному взору в самых что ни на есть ортодоксальных кальсонах, скажем лучше — в голубых подштанниках с начесом.

Я тогда, разумеется, еще не знал, как называются подобные явления. Я думал, что это просто физик в подштанниках, и с восторгом представлял, как расскажу об уникальном зрелище одноклассникам. Но предчувствие уже появилось. Было предчувствие многих подобных штук — езды без тормозов на автомобиле, вырывающемся из-под управления, толпы волосатых ребят, штурмующих Капитолий, как муравьи — сахарную голову; Ференца Листа, трахающего чудовищным членом все живое подряд, и целомудренного вегетарианца на обширной мистической каше, вбирающей в себя все, от Хари Кришны до скандинавского пантеона, от океанических глубин до иных галактик...

В Москве, после хреновой кучи кислых мероприятий, вроде посещения театра Советской Армии, экскурсий, самодеятельности, национальных и бальных танцев, случилось неожиданное и неизбежное. На сцену очищенного от кресел школьного актового зала вышли трое. Один сел за барабаны, двое других подключили к усилителям гитары и подошли к микрофонам. Не знаю, что уж они исполняли. Пели по-английски. Думаю, все-таки что-то из «Битлз». Исполняли громко! Помню, для себя я определил то, что меня потрясло на первом в моей жизни рок-концерте: «Всего три человека, а столько шуму!» Но дело, конечно, было не в великом шуме малыми силами. Уже

тогда, стыдливо прижавшись к стенке школьного танцзала в своем уродливом форменном костюмчике мышиноного сукна и украдкой поглядывая на хорошеньких старшеклассниц, отплясывающих шейк, я ощутил мощное притяжение до конца не понятной мне даже теперь стихии, имя которой — рок-н-ролл. Видение физика в подштанниках оказалось «сном в руку». (В скобках замечу, что, кажется, в соответствующей литературе неоднократно предпринимались попытки перевести это арготическое словосочетание — Rock and roll — на русский язык. Ни в коем случае не претендуя на глубокое знание английской или, вернее, американской сленг-лексики, все же не могу не удержаться от своего варианта. Вот он: ВДУЙ с ВИНТОМ!).

Возвратившись домой все на том же «Урале», я на следующее утро помчался к Вовке, чтобы потрясти его рассказом о трех всемогущих музыкантах и обо всем остальном, а может, и приврать заодно — что-нибудь насчет дегустации коньяка в новогоднюю ночь. С Вовкой мы дружим до сих пор, хотя всякое между нами бывало на почве пьянства и юношеского максимализма. Фамилию его называть не буду. Кому надо, и так его узнают. Скажу только, что теперь он сделался отличным семьянином и занялся крупным бизнесом. Я уверен, что в недалеком будущем, если только мятежные люмпены не внесут в Кремль на белом коне какого-нибудь полковника, обещающего всех накормить манной небесной общественной собственностью и свободы как осознанного рабства, в самом недалеком, повторяю, будущем Вовка станет миллионером, известным меценатом, и его сияющая добродушная физиономия замелькает под пышными заголовками светской хроники г. Екатеринбурга.

Итак, я помчался к Вовке прекрасным январским утром 73-го, уверенный, что от моего рассказа он широко разинет рот. Но разевать рот пришлось мне: когда я влетел к нему в комнату, Вовка с гордостью аккуратно поднял серую пластмассовую крышку — и на меня с улыбкой уставился парой блестящих катушек новенький магнитофон (подарок Вовке от Вовкиных родителей к Новому году в обмен на обещание впредь учиться без троек, обещание, заранее обреченное на провал).

Щелкнула ручка — и я услышал ту самую музыку, ощутил ту самую стихию! Что это был за альбом? Не помню.

Вовка помнит, он может сказать точно. А я, не разбирая названий, ни слова не понимая по-английски (всю жизнь учил французский), почти не отделяя одной песни от другой, с этого момента в течение полутора лет непрерывно впитывал в себя музыку «Битлз» как одну сплошную нескончаемую сюиту, и по сей день не заменимую ничем, восхитительную, совершенную,

неизвестно откуда взявшуюся и с тех пор не покидающую меня.

Как-то в один из первых дней жизни с «Битлз» я мучительно силился вспомнить мелодию «Yellow Submarine». Маялся целый день, пребывая в какой-то взрослой компании родственников. Так и не сумел вспомнить. Зато вечером, ворвавшись, наконец, в капище Вовкиного магнитофона и снова глотая битловскую сюиту всю целиком, с каким восторгом я узнал желанную мелодию, чтобы уже никогда не забывать: «We all live in the yellow submarine, yellow submarine yellow submarine!»

ТУЧА СЕРЕДИНЫ СЕМИДЕСЯТЫХ

Прошло, как сказано, года полтора. Крутили мы в это время на своих магнитофонах (в слове этом больше было «магии», чем «магнита») главным образом «Битлз». Удавалось несколько раз поддержать и за живые пластинки. Уже всплыли на нашем аудиогоризонте «Лед Зеппелин». Помнится, во время записи смущались и прятали от родительских глаз невинную обложку «Houses of the Holy» с голыми розоватыми куклами, карабкающимися по скалистому склону. В тени «Битлз» прижились «Creedence Clearwater Revival», улыбавшиеся в добротном американском ретровитраже с обложки «Pendulum», и по началу не прижились «Роллинг Стоунз», показавшиеся чересчур жесткими и немелодичными (открыть «Lady Jane», «Time Is On my Side», «Play With Fire» и т. п. еще предстояло). Соперничать с «Битлз» в наших пристрастиях того времени могли только Веббер и Райс со своей знаменитой опереттой. «Jesus Christ Superstar» мы слушали без конца и знали наизусть почти все арии.

В целом, конечно, круг известных нам образцов был невелик. Но прошло полтора года — и мы вышли на тучу (для непосвященных объясняю: туча — собрание дискоманов с целью продажи, покупки и обмена пластинками. Не знаю, может, кто-то называл и называет этим словом вещевой или книжный рынок... Но, по-моему, в семидесятые годы «тучей» называли именно тучу, а все остальное — толчок, толкучка, барахолка — не имело к ней прямого отношения). И только тогда мир рок-музыки распахнулся пред нами во всем своем разнообразии, во всем своем скабрёзном и помпезном великолепии. Посреди унылого совка, под постоянной угрозой грабежа и милицейской облавы мы окунались в это дело — и дело стоило того.

Все началось в конце лета. Я опять заявился к Вовке с потрясающим сюрпризом: отец подарил мне шикарный сборник лучших хитов «Роллинг Стоунз», самую настоящую пластинку, страдавшую только одним недостатком — югославским происхождением (у какого-то югослава он ее и приобрел поздно вечером в ленинградской гостинице за бутылку водки). На этот раз я не сомневался, что сумею произвести сильное впечатление, и снова просчитался.

Вовкины родители в очередной раз доверились беспочвенным клятвам своего нерадивого сына и, надеясь поднять его неторопливую успеваемость, вручили ему ко дню рождения сумму, необходимую для приобретения пластинки. В результате

мои югославские «Роллинги» были посрамлены французским «Abbey Road», купленным для Вовки его старшим троюродным братом Борей, умудренным дискоманом, глядевшим на нас свысока и лупившим нас по рукам, невольно тянувшимся к Бориным пластинкам. И тут было понеслось! «Abbey Road», предварительно записанный и переписанный всеми, Боря обменял на «Red Rose Speedway» Пола Маккартни. «Red Rose» опять-таки все тщательно переписали на ленту. И Боря, милостиво бравший с собой на тучу Вовку в качестве хозяина без права голоса при обмене, на этот раз порадовал нас неслыханной прежде пластинкой «Дип Перпл» «Who Do You Think We Are» с великолепными и незаслуженно забытыми хитами «My Woman from Tokyo» и «Mary Long».

Засим Борова миссия была исчерпана. То ли он захворал, то ли ему просто было некогда или стало наплевать, а только в следующую субботу Мальбрук собрался в поход самостоятельно — Вовка почувствовал себя вполне оперившимся дискоманом и отправился на тучу без старшего товарища. Предварительно он обратился ко мне с невинной просьбой: не одолжу ли я ему своих югославских «Роллингов» не для обмена, а так, для солидности, все же две пластинки — не одна. Скрепя сердце, я внял его просьбе, снедаемый горькими предчувствиями.

Вечером, когда я пришел справиться о судьбе скромной, но дорогой для меня пластиночки, сердобольные Вовкины родители решительно заслонили своим телом дверной проем и объявили сына уехавшим на всю ночь к родной бабушке. До сих пор не хочется верить, что это было неправдою, но в тот вечер мне показалось, будто из-за приоткрытой двери в Вовкину комнату торчит грустная Вовкина нога. И мои опасения утроились перед лицом неизвестности.

Утром следующего дня (в те годы туча собиралась и в субботу, и в воскресенье) я вошел в сад Вайнера решительным шагом с готовностью узнать всю правду, какой бы горькой она ни была. Справедливости ради замечу, что у меня самого, впервые оказавшегося на туче, слегка поехала крыша и разбежались глаза. Никогда прежде я и представить себе не мог, что на свете существует такое множество пластинок. Они блестели целлофановыми презервативами, переливались всеми цветами радуги. И все же я сумел взять себя в руки и, разглядев Вовку в толпе дискоманов, кинулся к нему, как филин к кролику...

Через час мы сидели в Вовкиной комнате и разглядывали то, во что превратилось наше богатство после нескольких, один другого дурнее, обменов, произведенных моим несчастным другом в состоянии ослепления тучей. Выбор был невелик, и я

безапелляционно присвоил в качестве слабой замены навсегда потерянному отцовскому подарку французский «Шокинг Блу». В том, что пластинка эта была не первой свежести, заключалось еще полбеды. Надо было видеть конверт, в котором она покоилась! Задняя его сторона бледно-голубого цвета походила на плохо отпечатанный газетный лист, но все же несла на себе фотофизиономии голландских музыкантов и, похоже, как-то была связана с пластинкой. Зато передняя стенка явно никакого отношения не имела ни к «Шокинг Блу», ни к рок-культуре вообще (хотя к рок-культуре может иметь отношение положительно все, что угодно). С самого начала у меня зародилось подозрение, что я видел использованную для ее изготовления репродукцию в журнале «Огонек». И все это было густо покрыто полихлорвиниловой пленкой по рубль двадцать рулон.

Убитому горем Вовке я предоставил тогда владеть легендарной пластинкой. Это была известная всем опытным завсегдатаям тучи «Party». Конверт — полностью самодельный, изготовленный при помощи красной и черной краски, густо нанесенной на картон в виде уродливой кометы, прорезающей тьму. Все остальное было выполнено в жанре аппликации — по отдельности вырезанные лезвием бритвы названия, черно-белые журнальные фото музыкантов, не опознаваемые из-за плохого качества печати (мы впоследствии чуть не до драки спорили — «Песняры» это или «Самоцветы»), и, наконец, всевозможные «фирменные» нашлапки и наклейки, своим мельканием призванные вызывать почтение к мнимой зарубежности предмета. Помнится, среди этих бумажек была даже этикетка с надписью «Socra» (известная фирма, производящая рыбные консервы). Удивительно, что пластинка, располагавшаяся в ведрах этого доморощенного монстра, не была подделкой — настоящая американская пластмасса! В хорошем состоянии! Последнее, впрочем, легко объяснялось тем, что мало находилось среди любителей рок-музыки желающих слушать записанные на ней американские патриотические песни в исполнении хора a capella. Правда, Вовка слушал и уверял, что ему нравится...

Мы не унывали, нет, мы были полны сил и уверенности в себе. Туча распахнула пред нами целый мир, и нас обуревали сладкие мечты и счастливые предчувствия. И знаете что? Эти мечты сбылись, эти предчувствия нас не обманули. Стинг — молодец, кроме всего прочего, еще и потому, что сказал (или присоединился к сказанному — неважно, все равно молодец!): «Кто работает ради денег, ничего, кроме денег, и не заслуживает».

Нам было плевать на деньги — мы «работали» ради музыки.

Мы ее хотели, как может подросток хотеть в свои объятия голую и на все согласную женщину, как может хотеть 15-летний хулиган вдруг сделаться пятнадцатилетним капитаном, увидеть Америку, Африку, Микронезию, Фриско, Занзибар и Ливерпуль, будь они неладны! Немедленно, сразу, теперь — эта музыка, вкупе со своими картинками, открывала весь мир, всю жизнь, проблемы, надежды, приключения, фокусы всякие... Эта музыка была нашей наукой и религией, таким планетарием свободного мира, откармливавшим наше воображение и прочие функции души посреди пионерских будней и комсомольских инициатив...

И завертелся оборот. Имея одну-единственную пластинку, периодически обмениваемую на время (для записи) или насовсем, за какой-нибудь год можно было пропустить через свои руки и магнитную ленту десятки альбомов. Мои приятели не теряли времени, копили или выклянчивали у родителей деньги, покупали, как правило, тоже по одной пластинке (а бывало, и по одной на двоих) и включались в эту карусель. И только Вовка уже не поднялся после первого своего провала, хотя и участвовал в обменах, и, конечно, получал для записи каждый новый улов.

Много случалось на туче трагических и комических эпизодов. Никогда не забуду тех ощущений, которые испытываешь, прижимая единственную свою драгоценность к груди, под снегом, дождем и в зверский мороз.

Частенько доводилось нам и показывать пятки грабителям, и дворами уходить от облавы. Бывало, раздается свист и панический вопль: «Шухер! Облава!» Толпа срывается с места, крики, толкотня. Потом оказывается, что шухер — ложный: кто-нибудь пошутил или намеренно поднял панику, рассчитывая осуществить в общей сумятице откровение разбойные измерения. Так и стоит у меня в глазах на фоне милицейского коробка рухнувший в палую листву (или на снег?) дискотан, собственным телом закрывающий пластинки с криком: «Не отдам, суки!».

(Примечание 1998 г.: Недавно встретил своего соратника по этой борьбе. Он только что приехал из Нью-Йорка с двумя чемоданами виниловых дисков, купленных в основном на блошином рынке. Он рассказал, как, к удивлению окружающих американцев, вздрогнул и судорожно прижал пластинки к груди, услышав сирену проезжавшей мимо служебной машины. Спустя почти двадцать лет у него сработал рефлекс дискотана.)

Один раз попал я в образцовую облаву. Это было позднее, когда туча переместилась из сада Вайнера к Вознесенской церкви, что возле Дворца пионеров. Многочисленные дружинники подкрались незаметно, подъехали в автобусах под видом экскурсии — никто и внимания не обратил, обложили нас

коробками, сержантами и мегафонами, а в довершение выстроились двумя цепочками и попытались таким образом блокировать тучу с двух сторон — с востока и с запада. Тут-то все и рванули! Паника была жуткая. Основная масса рванула, кстати, в западном направлении. Кое-кого сбили с ног, потоптали слегка, но серьезных жертв не было. Некоторым дружинникам, я слышал, сильно перепало. Ну, прорвали, конечно, цепочку, да только на время. Снова замкнулось кольцо. Молодые дружинники! Если кто из них, бывших тогда там, читает сейчас это описание, пусть ему станет, если не стыдно, то хотя бы противно. По жлобству или по дурости, но вся эта образцовая молодежь с красными повязками добровольно становилась тогда для нас ничем не лучше обыкновенных грабителей.

Так вот, лично я в тот момент панике не поддался. Да что толку! Толпа меня понесла, как щепку, и к счастью вынесла на фонарный столб. Зацепился я за него одной рукой, а в другой, как знамя над головой, держу «Листоманию» Рика Вэйкмана, купленную, между прочим, на кровные пятьдесят рубчиков, заработанные собственным горбом на первом студенческом картофеле. Цепляюсь за столб и чувствую, как несезонный мой полуботиночек стягивает людская лавина... Ничего, обошлось.

Схлынула толпа, гляжу — лежит мой «old brown shoe» на снегу среди побросанных в отчаянии разноцветненьких таких жевательных резинок, американских сигарет и прочей спекулянтской начинки, без которой, к сожалению, ни одна туча не обходилась. Повезло и в целом: спрятал я своего Вэйкмана на грудь, прикрыл шарфиком, затянул поясок, присоединился к однокласснице по имени Аленушка, которая со своим кавалером пришла на тучу просто потусоваться, — и, вывернув карманы, вышел из окружения мимо начальников, беззастенчиво, но и безрезультатно обшаривших меня мозолистыми руками. Моя пластинка была сделана из великолепной французской пластмассы, ребята, и облежала грудь, делаясь практически незаметной.

Много можно еще рассказать подробностей дискотечной эпопеи, припомнить и счастливые мгновения (вроде страшного снегопада, спасаясь от которого, туча дружно оккупировала магазин «Грампластинки», а его добрейший директор не только не стал вызывать милицию, но даже, кажется, на часок повременил с закрытием магазина, и у меня тогда состоялся удачный обмен), в страшные разочарования (вроде случаев с перебитыми «пятакми», когда с радостным трепетом принесенная домой пластинка начинала петь вместо ожидаемого Байрона или Гиллана голосом Лещенко или Кобзона)... Но я хочу

немного рассказать о людях тучи. Среди них были (и может, здравствуют по сей день, только туча уже не та) воистину легендарные фигуры. Не буду говорить о несимпатичных пройдохах, о всяких рыжих, косых и хромых — с такими приходилось сталкиваться часто, но вряд ли они достойны легенды. Легенда — это Вельвет. Легенда — это Саша с «Химмаша». Без них трудно представить себе тучу семидесятых годов.

Сначала о Вельвете. Прозвищем своим он обязан куцему пиджачку из зеленого вельвета, в котором ходил долгие годы. По преданию. Вельвет поклялся собрать столько пластинок (естественно, фирменных, и не с записями Людмилы Зыкиной), что их конвертами можно будет застелить весь пол его комнаты. Не думаю, чтобы комнатка эта была слишком уж велика площадью. И все же, принимая во внимание ничтожность его доходов, нельзя не признать исключительной смелости слова, данного Вельветом самому себе. Без сомнения, он его сдержал, хотя милиция и грабителя неоднократно вставали на пути у этого безответного человека. Громадного роста, грузный, со своими подетски припухлыми губами и грустным взглядом красивых светлых глаз — он так и стоит в моей памяти, а ведь после нашей последней встреча прошло уже лет пятнадцать.

Я с грустью думаю о том, что, быть может, уже никогда не доведется встретиться с этой необыкновенно доброй и бескорыстной душой. Вельвета не интересовало, какого класса у тебя проигрыватель. Он приходил неожиданно, с горящими глазами протягивал новенькую, ужасно дорогую пластинку и говорил:

— Слушай, или я — дурак и ничего не понимаю, или это гениальная музыка!

Поворачивался и уходил, оставив пластинку у тебя в руках, просто так, не договариваясь о сроках, ничего не требуя взамен, только для того, чтобы поделиться радостью открытия.

Наверно, я идеализирую, во мне кажется, Вельвет никогда и никого не мог обмануть. Саша с «Химмаша» только этим и занимался. И между тем, он тоже — один из обаятельнейших героев былой тучи. Слава его докатилась до моего слуха в первые же месяцы дискоманской эпопеи. Знатоки неоднократно предупреждали: с этим парнем лучше дела не иметь. И я старательно обходил его в поисках обмена.

Лет тридцати на вид, небольшого роста, светловолосый, с приятной такой располагающей улыбочкой, он вообще-то выглядел совершенно одиноким и беззащитным. Правда, иной раз он являлся на тучу не один, а с женой и ребенком. Выглядело это

«святое семейство» весьма причудливо: Саша нес на руках младенца, а его супруга шла рядом и катила коляску. Из коляски торчала пачка подозрительных Сашиных пластинок.

Смысл этих семейных прогулок по туче, над которыми каждый считал своим долгом подшутить и, тыча пальцем, посмеяться, открылся мне, когда случилась облава. Нечаянно я очутился неподалеку от Сашиного семейства и с восторгом отметил, как здорово они это придумали — пускаться в свое небезопасное предприятие втроем. Лишь только раздался свист. Сашина супруга, хладнокровно приподняв матрасик, уложила пластинки на дно коляски, а Саша, ни на секунду не отпуская с лица милейшей своей улыбки, поместил отпрыска на его законное ложе. Взявшись под руку и не ускоряя шага, молодые родители продолжали прогулку, справедливо уверенные, что блюстителям порядка и в голову не придет искать роковой груз под спинкой малыша, к тому же при родителях самой заурядной, вполне пролетарской я отнюдь не роковой внешности.

Познакомиться с Сашей, чтобы затем расстаться, быть может, навсегда, мне довелось при, мягко говоря, напряженных обстоятельствах. Как-то поздней осенью, буквально на следующий день после возвращения с очередной уборки картофеля, я поддался уговорам однокурсника, и нелегкая понесла меня на тучу. В ту пору дискоманы по требованию городских властей вместе с вещевым рынком переместились в проволочный загон Шувакиша, который располагался в опасной близости к бескрайним лесам, как и встарь, кишевшим разбойниками.

Еле-еле разменяв принадлежавший моему приятелю двойник «Led Zeppelin» «The Song Remain the Same» на три пластинки, из которых мне запомнилась только одна — зальный «Кинг Кримсон» (кажется, 74-го года), мы почувствовали на себе пристальные взгляды, опьяненные не только спиртным, но и жаждой легкой наживы. Взяв, что называется, ноги в руки, мы помчались на станцию, лелея мечту — втиснуться в электричку и довершить хэппи-эндом становившееся опасным приключение с обменом.

Когда этот «поезд мечты» подошел к платформе и открыл электрические пасти дверей, мы поняли, что рискуем, в лучшем случае, одним из трех: 1) пластинками, которые я прижимал к груди, запакованными в полиэтиленовый мешок; 2) возможностью немедленно отправиться в Свердловск; 3) собственной жизнью. В худшем случае, как вы уже догадались, мы могли потерять и то, и другое, и третье.

Приятель мой, энергично работая всеми конечностями, презрел опасность и втиснулся в вагон. Я же не мог ему всецело

подражать уже потому, что две из моих конечностей были заняты ценным и хрупким грузом, бросать который мне представлялось нелогичным, хотя он мне и не принадлежал. В результате электричка с отчаянным визгом, руганью и пыхтением отошла, унося моего компаньона в столицу Урала, а я остался стоять на платформе с чужими пластинками в руках и холодом в сердце.

Застыв на самом краешке, я начал курить предпоследнюю сигарету и попытался унять закономерно пробившуюся дрожь. В сторону станционного здания я боялся даже поворачивать лицо. Оттуда через колокол громадного матюгальника вскоре методично стал раздаваться истошный женский вопль: «Милиция! Срочно на станцию! Милиция! Срочно...» Но милицией, разумеется, и не пахло — вероятно, ее доблестные части и в эпоху Шувакиша по инерции продолжали охранять сад Вайнера... За моей спиной раздался топот, характерный шелест, лязг и отборная ругань. Не оборачиваясь, я пришел к выводу, что, мимо промчался целый батальон с колами и цепями (батальон, конечно, не милицейский, а совсем наоборот). Затем все повторилось. «Еще один батальон», — отметил я про себя и зажмурился, готовый пасть на рельсы в любую минуту...

Как вдруг до моего напряженного слуха донесся вежливый голос, обратившийся ко мне по имени. Я открыл глаза — передо мной стоял с неизменной своей улыбочкой и протянутой рукой Саша с «Химмаша». А за его спиной полукругом высилось человек пять-семь таких утесов-великанов. Саша смотрел на меня с таким восторгом, будто встретил Ричи Блэкмора или Пола Маккартни, и что-то говорил о телевидении.

Когда самообладание полностью вернулось ко мне, я начал соображать, о чем идет речь. Как-то воскресным утром в начале лета меня растолкали со страшного бодуна мои приятели и чуть ли не волоком потащили на телевидение. Так я сделался участником какой-то дурацкой передачи, какого-то конкурса, одной из первых, неуклюжих и бездарных, попыток превратить молодежное увлечение «зарубежной эстрадной музыкой» в хлеб для местных телевизионщиков. Там я, изрядно поджарившись в свете юпитеров, заскучал и рванул к камере. Моя энциклопедическая осведомленность в творческой биографии группы «Queen» почему-то всех ужасно удивила и вызвала прилив рукоплесканий (по мановению ведущего из-за спины оператора). В конце концов меня объявили вообще ужасным знатоком и наградили аж сразу двумя пластинками (Лили Ивановой из Народной Республики Болгарии и советской перепечаткой Адриано Челентано).

Так вот, оказалось, что Саша тоже был там, среди участников

этого безобразия, и я ему очень приглянулся. Более того, Сашин сосед по лестничной клетке записал всю эту ахиною на видеомagneтофон (большая редкость по тем временам!), и Сашина жена, просмотрев запись, видимо, тоже отметила меня. Короче говоря, когда подошла следующая электричка и утесы-великаны не только внесли нас в вагон, но еще и посадили у окошечка, Саша стал меня уговаривать поехать к нему в гости на «Химмаш», чтобы посмотреть «историческую» видеозапись. Решающим был приятно щекочущий самолюбие всякого мужчины довод:

— Господи! Как жена-то обрадуется!

Вечер, проведенный у Саши, я не забуду никогда в жизни. Он и его супруга оказались на редкость хлебосольными хозяевами, а когда кончилась водка, Саша куда-то сбегал и, несмотря на довольно поздний час, тут же принес еще бутылку. Но дело, конечно, не в том. Для меня он был живой легендой тучи. Он разоткровенничался — и легенда оказалась чистою правдой. Из собственных Сашиных уст я услышал в тот вечер именно то, что прежде говорили о нем другие:

— Не надо со мной меняться, никогда не надо...

Со всего околотка (а может, и со всего «Химмаша») стекались в Сашины умелые руки отходы дискоманской карусели — расколотые и расплавленные, изборожденные царапинами и протертые одеколоном пластинки, плоды шумных вечеринок и неудачных обменов. Саша мастерил конверты, перебивал «пятаки», исправлял погнутости, на несколько недель заряжая пластинку под пресс книжного шкафа, отмывал запах одеколона, указывающий всякому опытному дискоману на неуничтожимое шипение, клеил, мастерил, замазывал, изготавливал надписи типа «Made in England» на супрафоновских и юготоновских продуктах и, наконец, терпеливо бродил по туче в поисках профанов. Короче, он превращал все эти осколки прежней роскоши в настоящий капитал, и за это околоток платит ему щедрой признательностью: самые дорогие, самые свежие пластинки, привозимые с тучи друзьями, тоже стекались к нему для прослушивания и записи на магнитофон.

Стоит ли добавлять, что тот вечер в гостях у Саши был полон замечательной музыки? Стоит ли объяснять, почему я ничуть не удивился, когда гордый хозяин распахнул передо мной заветный шкафчик, хранивший полную коллекцию пластинок «Битлз»? Мы были фанатиками одной генерации, меломанами одного вкуса и без труда нашли общий язык. Я был просто счастлив и совершенно расслабился, столь стремительно перелетев от угрожающей мне опасности к окружающему меня

гостеприимству...

Поздно вечером приветливые хозяева проводили меня до остановки, снабдили сигаретами на дорожку и усадили в один из последних троллейбусов. Я прислонился к приятно охлаждающему висок стеклу и задремал (за пределами изящной словесности следовало бы прямо сказать — «отрубился»), держа на коленях все тот же пакет с «King Crimson» и К°. Тотчас мое подсознание, воспаленное водочными парами, перенесло меня на картофельное поле и пыльные дороги красноуфимских проселков...

— Эй, друг, вставай, приехали! — раздался над моим ухом довольно резкий, но не злобный окрик. Я пробудился, машинально подхватил пакет с пластинками и кинулся вслед за растолкавшим меня человеком к кабине. Безошибочным чутьем я распознал в нем водителя, но разновидности транспортного средства, в котором находился, не определил. Водитель даже несколько не удивился моей горячей просьбе — довезти до деревни Чувашиково. Он подогнал машину к самым воротам троллейбусного парка, остановился и открыл переднюю дверь:

— Извини, друг, дальше ехать не могу.

Зрелище троллейбусных дуг сильно поколебало мою вздорную уверенность в том, что я нахожусь в Красноуфимске. Поэтому я кинулся к одинокому прохожему, как к дельфийскому оракулу, и возопил:

— Мужик, какой это город!?

Потрясенный оракул растерянно пробормотал:

— Ну, Свердловск...

Свердловск! Какое счастье! Дуракам и пьяницам везет — через несколько минут я раскинулся на переднем сиденье частного автомобиля, владелец которого согласился подбросить меня до дому за пару сигарет, и показывал ему свои (то есть, конечно, чужие) пластинки, взхлеб повествуя о своих страшных шувакишских приключениях.

— Да, не та теперь туча стала, не та... — заметил он, грустно улыбаясь, и утопил клавишу магнитофона.

— Рок-н-ролл? — оживился я при первых звуках.

— Рок-н-ролл, — кивнул владелец.

— Литтл Ричард? — построил я знатока.

— Чак Берри, — разочаровал он меня.

Не набравшись смелости, чтобы попросить довезти меня до подъезда, я выскочил из притормозившего автомобиля за сотню метров от дома и хлопнул дверцей, пожелав счастливого пути. Вместе с несмолкающим рок-н-роллом он набрал скорость и скрылся за поворотом.

Семидесятые годы кончались в ту ночь как-то особенно явно,

грустно и весело. В общем, бесшабашно — как и все в этом стиле.

Калужский — известная личность. Его знали все рок-фаны Екатеринбурга. Его знали в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске. С ним знакомы в США, Великобритании, Ирландии, Финляндии, Швейцарии. Говорят, что с ним не сработался Слава Бутусов (бессменный лидер одной советской поп-группы с постоянно меняющимся составом, неожиданно добившейся кратковременного успеха в конце 80-х годов) — неправда, это Калужский не сработался с ним.

Самое удивительное, что при всем при том Калужский вовсе не музыкант. Поет и играет на гитаре он крайне редко, на публику — еще реже (хотя лично мне ужасно нравились в его исполнении «Стихи о советском паспорте» популярного в 30-е годы поэта, положенные на чрезвычайно игривую мелодию). Несмотря на столь вопиющее качество (которым, кстати, отличаюсь и я), а может именно благодаря ему, Калужский был чем-то вроде главного администратора Свердловского рок-клуба в тяжкие годы его становления. Боюсь показаться нескромным, но еще больше кокетливым, тем более, что факты — упрямая вещь: Калужского на столь ответственную должность выдвинул я.

Я знаю Калужского давно и знал бы еще дольше, если бы не разница в возрасте — один год. В школе такая разница казалась огромной, и хотя мы были шапочно знакомы, я, в основном, наблюдал за ним издалека.

В годы ученичества Калужский был резвым и саркастическим юношей. Его излюбленным занятием было — ставить «саечки» младшим товарищам, которых Калужский подлавливал при входе в храм наук. Правда, сегодня он этого факта категорически не припоминает.

Году в 75-м, летом, у нас во дворе устраивались маленькие фестивали. Из нашего подъезда к дощатой эстрадке протягивали кабель, подключали гитары, играли на них и пели все, кому не лень. А молодежь со всей округи танцевала. Мне эта музыка (в основном исполнялся советский «недорок») откровенно не нравилась, а выйти потанцевать в поисках интимного общения тогда еще не хватало духу. Поэтому я сидел в своей комнате в гордом одиночестве и заглушал дворовую эстраду Бетховеном.

Естественно, заглушить Бетховеном эстраду удавалось только в радиусе одного метра от динамика моей радиолы. Время от времени я высовывался в окно и наблюдал за происходящим на танцплощадке с высоты своего положения (т. е. с третьего этажа). Особенно любопытным зрелищем, разумеется, были драки. И вот,

в разгар одного из таких массовых столкновений под музыку, я увидел Калужского. Он примчался на легком спортивном велосипеде и, отбросив его в безопасную сторону, врезался в толпу дерущихся. Он скакал, как резиновый, размахивая ногами и кулаками — и обворожительная улыбка, как мне кажется теперь, не сходила с его уст...

Несколько лет спустя мы встретились на лестничной площадке Уральского университета и кинулись друг к другу в объятия. Разница в возрасте более не ощущалась.

Теперь нас норовило разделить другое — пространство. И дело тут не в судьбе, а в характерах. Встречи и расставания были и остаются лейтмотивом нашей дружбы. Я в Свердловске — он в Иркутске. Он в Душанбе — я опять-таки в Свердловске. Даже когда он в Свердловске и здесь его дом, семья, мама — его тут фактически все время нет — он в Москве, он в Таллинне, он в Лондоне...

Вот и сейчас, когда я сижу у себя дома и пишу эти строки, Калужский гуляет где-то в предгорьях Альп или на берегу Женевского озера таким «Лениным в Швейцарии». И чего ему рядом со мной не сидится? А вот того, что Калужский — это самый настоящий rolling stone, или, по-русски, перекаати-поле. А я... Да что я? Не обо мне, в сущности, речь!

Раньше Калужский любил появляться неожиданно. Сидишь, пишешь ему письмо в два часа ночи. Звонок в дверь. Открываешь, а это он — собственной персоной, только что прилетел, да еще и, к примеру, наголо обрит, эдак стоит в кожаном плаще — и улыбается...

Или вот еще до того был случай. Сижу я в распахнутом окне, а ночь такая летняя, излюбленная авторами лирических песен, после дождя. Кусты внизу темные, густые, каплями посверкивают. Вдруг бормотанье, шум, хохот — и прямо из кустов выскакивает Калужский с одной девчонкой, кстати, моей одноклассницей. Я ее называть не буду: она теперь уже взрослая тетя — Бог знает, что у нее на уме, как с мужем... Пусть будет инкогнито. Узнает себя — наедине с собой поплачет, посмеется, и все. Поднялись они ко мне, я им дверь отворил потихоньку, поставил «Red Rose Speedway» Маккартни и напоил их из толстой керамической кружки обыкновенной холодной водой. Но если кто-то возразит и станет меня уверять, что это была не вода, а вино, и даже коньяк — я не стану спорить. Оба они были мокрые, веселые, молодые... Мало ли что? И дружба наша с Калужским только-только начиналась.

Теперь неожиданного вообще стало меньше — о плохом и хорошем заранее сообщают на всю страну. Даже государственный

переворот, кажется, никого не удивил — все были готовы. Да ну ее, политику! Сплошной расчет. А тут — любовь, молодость, музыка — в самый разгар застоя, между прочим...

Калужский — великий человек, ребята! Недаром мы с ним так понимаем друг друга. По сравнению с ним все лично известные мне рок-музыканты вместе взятые — душераздирающие зануды и дуболомы. Я знаю, они на меня не обидятся, потому что, в сущности, все они — славные парни. Но о них еще речь впереди.

Калужский первый рассказал мне о «Трубчатых колокольчиках» Майка Олдфилда. Благодаря ему, я впервые услышал «Genesis» — «Trespass» и «Nursery Crime», и «Selling England By The Pound». Мы вместе открыли Кэйт Буш и «Stily Dan» и многое другое. Он переводил мне тексты «Pink Floyd», «Jethro Tull», «The Who» и Элтона Джона. Мы дружно склонялись над рок-энциклопедиями и музыкальными ревью, вычитывая подробности из жизни Дэвида Боуи, Фрэнка Зеппы и Элис Купер.

Мы бок о бок стояли за дискотечным пультом в веселили публику — даже в тот самый день, когда у Калужского родилась дочь. Мы прослушали вдвоем не одну сотню пластинок. Рок-музыка ли не была нашей страстью, нашей мечтой и нашей надеждой, нашей юностью? И все же строчка одной из лучших песен покойного Вити Цоя «Ты готов был отдать душу за рок-н-ролл» — не про нас.

Ни тогда, ни теперь мы бы на это не согласились. Надо ли объяснять, почему? Распространяться о ценности души и о возможности лучшего применения сил? Нет, ребята, это уже будет совсем в другом стиле. Пускай каждый решает эти проблемы сам по себе. Добавлю только одно: отдать душу за рок-н-ролл? А — вот ему!.. Ну же, повторите мой жест, ведь душа всего дороже.

ЕЗДА В КАМЕННОМ КРУГЕ

Когда я учился уже на третьем курсе, мое имя и моя физиономия прочно встали в ряд университетских знаменитостей. Правда, мои дурацкие стихи не стяжали широкого признания (обычная прижизненная судьба поэтического дара), разве что Александр Владимирович, величайший балагур и знаток австрокоммунизма, восторженно смаковал мои дебильные строки: «Я шел и курил. У барака меня покусала собака». Да некоторые девочки серьезно до слез воспринимали все написанное мною. Зато, в паре все с тем же Вовкой изображая на самодельной сцене то Малыша и Карлсона, то Попа и его многострадального пса, убитого за кусок мяса, я достиг такого положения, когда чуть ли не каждый третий совершенно не знакомый студент здоровался со мной за руку, называя меня по имени. Были, конечно, и иные подвиги. Когда, например. Лев Абрамович увидел меня, в первый и последний раз посетившего его спецкурс, в роскошных, начищенных до зеркального блеска милицейских сапожищах, этот талантливый ученый и добрый преподаватель был настолько пленен, что и на экзамене проявил ко мне снисходительность. Иное дело — мой великий тезка, «столп и утверждение» марксистско-ленинской эстетики. Ввиду моего пренебрежения его остроумными лекциями, Аркадий Федорович, фигурально выражаясь, поймал меня за шиворот в коридоре и громовым баритональным тенором предложил убираться вон со специализации. Добрейший человек, он просто погорячился тогда, но тем и приумножил мою славу. Курсовая работа по теории отражения, написанная мной в бодром стиле за одну ночь и сданная в последний момент истекающего срока, читалась на кафедре вслух с хохотом, достойным «Двенадцатой ночи» Шекспира.

Короче говоря, я ничуть не удивился, когда все на той же университетской лестнице ко мне обратился во имени и с рукопожатием совершенно незнакомый студент и попросил моих стихов для создания рок-музыкальных композиций. Это был Феич. К тому времени он уже сделался великим рок-музыкантом и мастерски владел флейтой и бас-гитарой. То, что он при этом туго соображал и был напрочь лишен чувства юмора, хотя и тянулся ко всему смешному, как дикарь к пилораме, не сразу бросалось в глаза, тем более со сцены. Эти железные качества Феича проявились потом в нашей работе, способствуя достижению желанного уровня идиотизма в текстах.

В тот момент я не сильно всматривался в зеркало его души —

Феич казался мне Stormbringer'ом, небесным вестником и перстом Фортуны.

Вскоре этот перст привел меня в студию (будущую студию группы «Трек») и познакомил со своими коллегами. Прежде всего, с Настей, чей голос сразу показался мне сравнимым с голосом Клэр Торри, партию которой из «The Great Gig In The Sky» она успешно копировала в живых выступлениях. Иных оценок по отношению к Насе я постараюсь избегать...

Далее, чтобы не было обид, представлю музыкантов из тогдашнего окружения Феича по алфавиту, ибо хронология моих с ними знакомств безвозвратно канула в Лету, и мне уже не воскресить в памяти точного порядка событий.

Итак, прежде всего — Борщевский. Когда произошел окончательный раскол бывшего «Сонанса» (вернее сказать, откол Шурика, основавшего «Урфин Джус») и окончательно сформировался «Трек», Борщевский был душой этого проекта. Он с завидным упорством упражнялся на скрипке (что-то восторженное от него я слышал о школе Иегуди Менухина) и занимался гимнастикой, демонстрируя и неустанно воспитывая в себе физическую и интеллектуальную независимость. Именно от Борщевского, как мне кажется, исходила идея параноидальности, положенная в основу музыкального своеобразия и сценического имиджа группы «Трек». Хотя в то время все трековцы, в той или иной степени, были параноиками и изо всех сил старались заразить этим недугом меня. Вероятно, в каком-то смысле им это удалось — недаром же я так много говорю о себе как о знаменитости.

На самом деле за декларированной паранойей стояло всего-навсего трепетное подражание «Блэк Саббат» и Гарри Ньюмену. Меня всегда веселило, с какими масонскими предосторожностями трековцы скрывали истинные корни своих музыкальных откровений. «Великую тайну» происхождения скованных, монотонно изломанных музыкальных пропорций должен был слышать, как мне казалось, всякий имеющий уши. «Неведомую подоплеку» деревянной неподвижности (двигаться, ко всему прочему, еще и просто не умели), отодвинутости от зала незримым «железным занавесом» и вытаращенных в бесконечность лиц, на мой взгляд, должен был видеть всякий имеющий глаза. Но самое смешное заключалось в том, что усилия эти достигали пели. «Трек» был настолько редким растением на советской почве, что, несмотря на достаточную банальность и пустопорожность избранных «первоисточников», сходил за абсолютно самобытное, почти мистическое древо.

Думаю, Борщевский уже тогда отдавал себе во всем этом

отчет. Он никогда не относился к рок-музыкальным студиям слишком серьезно и, как только сформировалась необходимость, немедленно и безболезненно ушел из группы, чтобы жить нормальной жизнью классического музыканта. На сей счет я был с ним абсолютно солидарен, с тем только отличием, что он играл на клавишах и струнах, а я — на словах.

Слишком серьезно, гораздо серьезнее всех остальных, относился к рок-музыке барабанщик Женька. Он сделал на нее поистине роковую ставку. Он был настоящим фанатиком рока (и вроде бы остается таковым по сей день) и всегда напоминал мне героя кинофильма «Благослови детей и зверей» — нервного, издерганного, идеалистически приверженного понятию справедливости подростка в полевой каске отца, погибшего во Вьетнаме.

Женькина скованность, совершенно не допустимая в барабанном деле, на первых порах достигала откровенно трагикомических масштабов. Помню, как на одном из первых концертов в столовой родного Женькиного городка неподалеку от Свердловска он простукивал в антракте на коленях самую сложную партию и отказывался выйти на «сцену», потому что она у него вдруг перестала получаться. Уговаривали его хором, как ребенка. Вышел, начал стучать и, когда дошел до каверзного места — сбился, досадно, позорно, развалив жесткую ритмическую конструкцию вещи. А надо сказать, подобной жесткостью отличались все, даже самые «импровизационные» композиции «Трека». Женька выколачивал из себя фатальную скованность изнурительными упражнениями. В какой-то степени это ему удалось, но другого, более верного и легкого пути он, по-моему, так и не сумел нащупать. Да и невозможно было следовать по нему, находясь в каменном круге «Трека», в пределах которого окаменела сама стихия рок-н-ролла.

С трудом втискивал себя в это сооружение и гитарист Миха, непревзойденный мастер продуманной импровизации, преданный поклонник и знаток музыки «Битлз», вообще — душа общества, необыкновенно мягкий и добрый человек.

С ним связана забавная ситуация, которая уже в первый месяц нашего знакомства показала мне, с каким коллективом я связался. В то время Шурику случилось переезжать на новую квартиру. И все мы, друзья-товарищи, по его просьбе целый день принимали участие в этом переезде в качестве грузчиков. Наконец, когда тяготы переезда были уже позади, возникла новая просьба — что-то такое надо было перетаскать на даче у Шуриковой мамы, милейшей, кстати сказать, мамы милейшего сына.

И вот, если память мне не изменяет, на эту просьбу откликнулись все, кроме Михи. Вскоре я убедился, что даром такие поступки в дружном ансамбле Шурика и его друзей не проходят. Состоялось собрание музыкантского коллектива, более напоминавшего мне в те часы бригаду коммунистического труда, потеющую в борьбе за свой переходящим вымпел. Мihu как следует пропесочили и припугнули отлучением, инкриминировав ему деяние, названное каким-то противным словечком (вроде «проскальзывания» или «отслаивания»), которое я, к счастью, забыл. Миха покаялся и дал честное пионерское слово в том, что «такое больше не повторится». Станный и чужой для меня «монастырь», причудливо сочетавший в своих недрах приверженность малохудожественным формам свободного мира и самый дремучий совок, который впоследствии эта, в остальном симпатичная, братия выдавливала из себя во капле.

Шурика я начал рисовать прямо какими-то кровавыми мазками. И чтобы он не показался тем, кем на самом деле никогда не был, добавлю кое-что поважнее. Первая же наша с ним беседа весьма походила на экзамен. Мы шли по старым екатеринбургским улочкам и проверяли друг друга «на вшивость». Называлось имя композитора, в как бы открывались шлюзы: лились потоки названий, впечатлений, соображений. Скажем, Моцарт. И пошло-поехало. 39-я, 40-я, 41-я. «Маленькая ночная серенада», ранние симфонии. А «Пражская»? А «Гагская»? А «Волшебная флейта», «Реквием», «Дон Жуан»? Нет, а «Похищение из сераля»? Ойген Йохум, Фишер-Дискау, Рудольф Баршай, Лев Маркиз... А «Кози фан тутти»? А «Идомей, царь Критский»?

Мы обсудили наследие и значение Баха, Гайдна, Бетховена, Алессандро и Доменико Скарлатти, Луи и Франсуа Куперена. Рассмотрели исполнительскую манеру Ванды Ландовской и Ральфа Киркпатрика, Сергея Рахманинова и Артура Рубинштейна. Расписались в нежных чувствах к Россини, Беллини, Доницетти, Верди, Пуччини, Леонкавалло и Масканьи. Особо выделили Вивальди, Перголези, Чимароза, Локателли, Глюка и Генделя. Не забыли Бизе, Массне и Мендельсона с Вольфом. Почтили Вагнера, Вебера, Гуно и Мейербера. Поцокали языками относительно Дебюсси, Равеля, Оннегера, Пуленка и Хиндемита. Вознесли Дворжака и Сен-Санса. Простерлись ниц пред Малером, Сибелиусом и Чайковским. Замолвили словечко о Крейслере, Рихарде Штраусе и Шопене. Помянули Шумана, Шуберта и Листа. Добрались до Стравинского, Прокофьева и Шостаковича. Но нельзя же было умолчать и о Шёнберге, Веберне, Гершвине, Айвзе!

В какой-то момент я произнес сакраментальное четверостишие, ставящее «превыше всех хвалений» Георга Фридриха Телемана, мы вспомнили о том, что забыли Рамо, Гайнриха Шютца и Клаудио Монтеверди — и все началось сначала.

Ребята, Шурик уже тогда был крутым знатоком рок-музыки — с ним было о чем поговорить! Уверен, что время не сгладило этой крутизны.

Нет смысла описывать внешность звезды такого масштаба, как Шурик — она и так хорошо всем известна по календарикам, плакатам и ТВ-шоу. Но замолвить словечко о Шуриковой работоспособности считаю своим долгом. За одну ночь он еще в молодости успевал положить на музыку пять-шесть текстов, при этом к тому же и переделав их до неузнаваемости.

Печально, и невероятно, однако наше совместное творчество как-то не сложилось ни в дотрековский, ни в посттрековский период. Добрый десяток моих текстов, положенных на музыку Шурика, так и остался вместе с нею лежать мертвым грузом в пыльных архивах. В момент нашего знакомства с Шуриковского лица не сходило плотоядное сияние. Кратковременное воздействие параноидальной идеи подвинуло его (Шурика) на создание омерзительных композиций, какие даже Элис Купер замучился бы извлекать из своих ночных кошмаров. И все же именно в тот период юному композитору удалось-таки при помощи моего счастливого пера состряпать, по крайней мере, одну премиленькую вещицу под названием «Маленький сюрприз». В песенке этой рисовался образ беззаботного, сытого, одетого и обутого парнишки. Объяснялось, как ему хорошо, как его будит по утрам запах кофе, как солнце греет ему простыню и т. д. Но после каждого куплета звучал залихватский, с привкусом немецкого кабаре времен третьего рейха рефрен:

«Веселиться не торопись! Ожидает тебя сюрприз. Что там за сюрприз? Зря ты гадаешь. Маленький сюрприз. Скоро узнаешь!»

Вот в сущности и все. Безобидно, весело, на грани с истерикой.

Представив Шурика, по алфавитному порядку я должен назвать Полковника Эквалайзера. Слов нет, он был и, вероятно, остается мастером своего дела. В умелых руках Полковника самая фиговая аппаратура совершала звуковые чудеса. И, вероятно, вполне справедливо он считался полноправным членом творческого коллектива.

Однако меня особенно доставало, когда принесенный мною очередной текст, активно разбиравшийся по косточкам, отдавался на суд Полковнику, и тот, ничтоже сумняшеся, судил о нем, и

судил, как ему, вероятно, казалось, вполне умно и «со знанием дела». При этом талантливому звукооператору конечно же не приходила в голову совершенно аналогичная ситуация, но с обратной полярностью: что, если бы я стал тыкать в его радиосхемы отверткой и хватать бедолагу за руку, сжимающую раскаленный паяльник?

Не хочу выставлять претензии ни к кому лично, тем более задним числом. Пусть Полковник не обижается на меня. Самым страшным моим душителем был не он, и не Женька, упрямый в своем ограниченном мнении, и не Миха, источающий порой рассудительное занудство, и не Борщ, подчиняющийся вопреки здравому смыслу общим «соображениям», и не Феич с его доходившей до смешного бесхребетностью, и не Настя, о которой, как объявлено, умолчу. Самым страшным моим душителем оказывался весь их насквозь совковый пионерский коллектив.

Вот это была сила, вот это был интеграл дилетантизма и пустословия. И вот почему я с самого начала заявил им: то, что я пишу для вашего употребления — не стихи, а тексты. Так оно и было на самом деле — я сплетал для музыкантов то, чего они сами хотели, я писал под диктовку этой дурацкой силы, силы советского коллектива, изображающего из себя рок-группу.

Калужский, которого трековцы считали моим родным братом, что, конечно, не так уж далеко от истины, присутствовал пару раз при обсуждении этими светлыми головами моих текстов, наблюдал за моими досадными муками и теперь может выступать в качестве свидетеля со стороны обвинения. Думаю, мой печальный опыт послужил ему незабываемым уроком того, как беззастенчиво обращаются музыканты с текстами только на том основании, что для их написания использован язык, употребляемый в повседневном общении. В результате сегодня Калужский пишет великолепные тексты исключительно на английском языке. Ах, как жаль, что и меня в свое время не посетила спасительная идея — писать для «Трека», к примеру, на немецком!

Между прочим, в музыке «Трека» и, впоследствии, «Кабинета» мною не поправлено ни одной ноты. Уже на одном только этом основании я чувствую за собой больше прав на звание профессионала, чем было у них. Ведь первая заповедь профессионала — не совать свой нос не в свое дело. Остальное со временем может приложиться или нет. Но без этого первого не бывает ни второго, ни третьего, ни четвертого.

Кстати, о «Кабинете». Не знаю, что с ними стало потом, но в альбоме с нелепым Шуриковским названием «Вскрытие» они попытались возродить самые кондовые трековские традиции, на

этот раз, как вы уже догадались, при участии Шурика. Это была самая неудачная моя работа. На сей раз я уже не боролся и с первой попытки выдавал то, чего от меня ждали. Надуманные аранжировки довершили дело. Полковник был в восторге от моих текстов. Я был в восторге от его технических ухищрений.

Вообще все участники этого проекта восторгались друг другом. На том восторги по поводу «Вскрытия» и исчерпались.

Лично мне «Вскрытие» показало нечто большее — что пора вовсе завязывать с этой работой, пора перелистнуть эту страничку закономерно, как я пытался здесь показать вписанную в книгу моей жизни, но не способную целиком исчерпать ее predetermined содержание.

КАРТОЧНЫЙ ТЕРЕМ

...Бонапарт, с вечно серьезным выражением подавленной гениальности на лице, обрамленном черною прямою шевелюрой заявился ко мне со своим предложением совершенно не в жилу. Создавать сценарий фильма о рок-музыке, да еще на местном материале, без зарубежных командировок — совершенно не вписывалось в мои планы. Но категорически отказывать я, на свою беду, просто не умею. Поэтому я послал его не туда, куда следовало бы, а к Калужскому, да еще при этом заверил: буде Калужский согласится и ему понадобится моя помощь — отказывать не стану.

Поэтому, когда через некоторое время Калужский пришел ко мне с ворохом исписанных листов и предложил соавторство в отправлении этого несуразного дела, мы пожали друг другу руки и взялись за работу.

Мы придумали фильм о нашем городе, который, несмотря ни на что, любим (все-таки малая родина!), и о том, как в его обычной совковой атмосфере нелепым махровым цветом пробивается стихия рок-н-ролла. В общем, фильм о свердловской рок-музыке как ярчайшем проявлении абсурда в нашей жуткой и увлекательной действительности.

В ходе, как говорится, реализации своего замысла мы познакомились с замечательным оператором Кириллом и его безотказным помощником Димой. Эта пара, подобная Дон Кихоту и Санчо Панса, самоотверженно и почти бесплатно творила кинематографические чудеса, которые на какой-нибудь MGM оплачивались бы десятками тысяч долларов. И эти чудеса, достаточно убедительно украсившие фильм, выглядели бы еще более шикарно, если бы не усилия нескольких пройдох и бездарей, которые постоянно путались под ногами и вокруг камер, пропивали отпущенные на картину деньги, не могли даже вовремя крикнуть «мотор!» и сделать отмашку и, короче говоря, старательно сводили на нет с таким вдохновением придуманные и с таким трудом организованные трюки.

Нельзя не вспомнить добрым словом и звукооператора Витю, делавшего свое дело с большим терпением и на высоком профессиональном уровне. Благородная сдержанность, которую он проявлял в самых сложных и досадных ситуациях — в высшей степени ценное для кинематографа качество.

Долго и трудно было бы рассказывать во всех подробностях, как мы бились об лед эдакими тропическими рыбками, и, в конце концов, худо ли, бедно, все-таки сделали фильм. Фильм без

режиссера, фильм без продюсера, фильм без монтажера — это гораздо страшнее, чем фильм без трансфокатора (кажется, так называется эта штука), без тележки, без киноплёнки, и даже без царя в голове. И все-таки мы его сделали...

Надо было так же, ни на кого не полагаясь, заняться и его продажей. В кульминационный момент на сцене появился Вовка, тот самый Вовка, спутник моего детства, отрочества и университета, и, ни много ни мало, в качестве нового финансового директора фирмы, в недрах которой мы барахтались, изготавливая свой шедевр, Вовка посмотрел наше творение, очень высоко его оценил и посулил нам большие деньги.

Однако, пометавшись некоторое время по стране и побродив по столице, то и дело мирясь и ссорясь с Бонапартом, потерпевшим крах в роли режиссера нашего фильма и с тех пор потерявшим к нему всякий личный интерес, короче говоря — попытавшись не на словах, а за деньги продать картину, пан финансовый директор довольно быстро снизил бодрый тон своих рыночных реляций до абсолютного нуля. Вовка попросту не сумел осуществить посулов и со свойственным ему простодушием объявил, что всему виной отвратительно низкое качество самого фильма.

С Вовкой я крупно поругался. Но потом, разумеется, мы помирились. Слишком многое связывает нас (в чисто фигуральном, конечно, смысле), чтобы позволять себе роскошь — не прощать взаимных обид и упреков. К тому же, он окончательно расстался с Бонапартом (окончательно, но не навсегда), посылая в его адрес букеты заочных проклятий. Фильм остался на полке, причем непонятно, кому эта полка принадлежит. Его название («Сон в красном тереме») оказалось провидческим: большинство рок-фанов, не говоря уж об иной публике, не видели и, надо полагать, никогда не увидят этого «Сна» даже во сне.

Правда, просмотрев видеокопию, фильмом заинтересовались в компании «ВВС» на предмет показа по телевидению в Великобритании. Но этот интерес так ни во что и не вылился.

Раза два или три фрагментами «Сна в красном тереме» пользовалась в своих передачах телекомпания «ВИД», со свойственным ей простодушием не обременяя зрителей точными ссылками.

Ребята, мы не получили за весь этот адский труд ни хрена!

А теперь по существу. Выйдя на ночной Покровский проспект из Дома кино, где состоялась-таки премьера «Сна в красном тереме», я принял окончательное решение: все, больше не имею дел с рок-музыкой, целиком отношу ее к сфере отдыха,

развлечений, сентиментальных воспоминаний. Работать на нее больше не стану, не могу, потому что не мое это дело. Пора, пора окончательно утвердиться в профессионализме. Этот фильм настолько вымотал меня (а еще больше беднягу Калужского), что исчезло ощущение стихии, пропало седьмое чувство, чувство рок-н-ролла. Пропало — ну и х... орошо! Все-таки уже разменяли четвертый десяток.

ЭПИЛОГ

Несколько месяцев спустя мы с Калужским заканчивали сценарий рок-музыкальной комедии в духе позднего Бунюэля под названием «Отцы и дети». Нам обещали под это дело деньги, мы слетали в Питер и начали переговоры с группой «Дети», в расчете на которую писался сценарий. И что же?

Все рухнуло. Вот это кайф, ребята! Я снова попался на удочку, потому что не смог отказать Калужскому. Сценарий по ходу дела становился все роскошней и роскошней, и в тот момент, когда примерная стоимость будущей картины превысила миллион рублей, не считая валюты, как только стало ясно, что этого фильма нам никогда не снять, потому что нет денег, нет режиссера, потому что капризничают «Дети» и верный оператор отказался от сотрудничества — вот тут-то ко мне и вернулось чувство рок-н-ролла!

Все-таки Стинг — молодец, кроме всего прочего, еще и потому, что сказал (или вовремя процитировал — все равно молодец!): «Кто работает ради денег, ничего, кроме денег, не заслуживает». Мы никогда не работали ради денег (так уж получилось) и заслужили кое-что получше!

Long live rock-n-roll!

To be or not to be... continued!